

«Он меня не понял», — подумал Чэн Цзие.

Он прислонился к стене, оклеенной старыми газетами. На пожелтевших англоязычных полосах выделялись крупные, жирные заголовки, и на душе у него было так, словно кто-то небрежно чиркнул по ней простым карандашом, оставив темный, нестираемый след.

Чэн Цзие и не подозревал, что Юй Сингэ всё прекрасно понял. Как не знал и того, что смысл этих слов был куда проще и чище, чем ему казалось.

В тусклом, желтоватом свете Юй Сингэ пристально посмотрел на замолчавшего друга.

— Гэ, просто верь мне, — негромко, но поразительно искренне произнес он.

Ему казалось, что только от слов Чэн Цзие зависит, изменится ли этот мир.

Темноволосый вокалист лишь усмехнулся:

— Разумеется, я тебе верю.

Вот только назвать свои давешние слова шуткой он уже не мог. Подобных двусмысленных намеков между ними скопилось слишком много, и очередная попытка отшутиться выглядела бы жалкой и фальшивой. К тому же порой эти неосознанные порывы пугали его самого: он всерьез опасался зайти слишком далеко и напугать Юй Сингэ.

Свет ламп, резкий и дробный, ложился на них цветными полосами. Лицо Юй Сингэ на мгновение потемнело — редкая для него тень растерянности скользнула по губам и растаяла в глубоком полумраке у оклеенной стены.

Ни один из них не стал развивать тему. Возвращаться к привычной недосказанности оба умели виртуозно — для людей, привыкших сохранять видимость благополучия, это не составляло труда. Безопаснее всего было заговорить о музыке и сделать вид, что ничего не произошло.

Юй Сингэ повесил влажное полотенце обратно на крючок. Когда он обернулся, его взгляд снова искрился привычным весельем. Завязавшийся разговор шел по накатанной колее, ни на миллиметр не приближаясь к опасной черте.

И всё же Ду Цяо, толкнувшая дверь с бутылкой пива в руке, невольно застыла на пороге. Сцена, представшая перед её глазами, выглядела довольно странно: один подпирал стену, другой стоял напротив, небрежно засунув руки в карманы. Они вели совершенно невинную беседу, но при этом оба улыбались и... неотрывно смотрели друг другу на губы.

«Ну и дела», — подумала она. Похоже, только эти двое в упор не замечали, как нелепо

выглядят со стороны.

Она перевела взгляд на Юй Сингэ, почувствовав смутное сомнение. Ду Цяо, повидавшая на своем веку немало, безошибочно улавливала подобные флюиды. Впрочем, хозяйка бара лишь приподняла бутылку. Её пышные темные кудри качнулись у лица, придавая ей сходство со знойной цыганкой.

— В карты перекинемся? — спросила она.

Ей казалось, что если она сейчас не вмешается, эти двое прямо здесь вцепились бы друг другу в губы.

За её спиной шумел переполненный зал, взрываясь яркими вспышками света и брызгами золотистого пива. Юй Сингэ обычно проигрывал ей подчистую, но азартная Ду Цяо никогда не упускала случая сыграть партию-другую. Однако парни вежливо отказались — связываться с заядлой картежницей им явно не хотелось.

— Ну, как хотите, — разочарованно вздохнула Ду Цяо, отступая в сторону и прикрывая за ними дверь носком туфли.

Прятели из-за стола уже всю махали ей. Ду Цяо выбросила из головы лишние мысли, со стуком поставила бутылку на стол и поправила волосы. «Глупые мальчишки, — хмыкнула она про себя. — Скоро вам вообще станет не до карт, ловите момент, пока зовут».

Качнув головой, она под выжидающими взглядами друзей сбросила на сукно последнюю карту. Чистая победа! Она с торжествующим видом откупорила новую бутылку.

«И всё-таки любовь — штука до безумия сладкая, хоть и хлопотная», — подумала Ду Цяо, слушая, как с негромким хлопком отлетает жестяная крышка.

У уходящего лета был свой особый аромат — густой, с нотками спелой малины и легкой хмельной горчинкой пшеничного эля, который так любила Ду Цяо.

Время от времени группе перепали коммерческие выступления. Цичэн, вечно окутанный сероватой дымкой, заметно уступал блестящим новостройкам Столицы, но жизнь здесь была ключом, и работы для музыкантов хватало. На дворе стояла эпоха стремительных перемен, и город старался не отставать от времени.

В отличие от невозмутимой хозяйки бара, Чарльз в последние дни пребывал в смятении — его эмоции скакали, как на американских горках. Стоило Ли Гу намекнуть туповатому барабанщику на очевидное, как того осенило.

Теперь во время репетиций и общих посиделок они то и дело косились на неразлучную

парочку. Обычно невозмутимый Ли Гу в такие моменты с трудом удерживал бесстрастное выражение лица, а Чарльз, тщетно пытаясь разглядеть хоть что-то подозрительное сам, всякий раз наталкивался на столь красноречивые гримасы басиста, что едва сдерживал смех. Чарльз благоразумно помалкивал, решив просто наблюдать.

На сцене они стояли плечом к плечу — ладно, это нормально, сыгранность вокалиста и гитариста священна.

Постоянно крутились вместе — пускай, у кого не бывает близких друзей?

Пили из одной чашки, по очереди бегали за завтраком, устроились работать в одну музыкальную школу, подыгрывали друг другу на распевках — ладно, допустим. Все друзья так делают. Наверное.

Но ровно до тех пор, пока Чарльз лично не увидел, как Юй Сингэ, дождавшись, пока Чэн Цзие отвернется, с заговорщицкой улыбкой сделал глоток из его стакана, прижавшись губами в точности к тому месту, которого только что касался вокалист.

К черту такую дружбу.

Чарльз тогда едва не поперхнулся собственной слюной. Поразмыслив три секунды, он пришел к единственно верному выводу.

Перед очередной записью на студии они столкнулись в коридоре с Ли Гу. По-шпионски оглядевшись, оба зашептали одновременно:

— Спорим, А-Син сохнет по Чэн Цзие?

— Спорим, Чэн Цзие бежит за Юй Сингэ?

Они замолчали и уставились друг на друга. Выводы оказались диаметрально противоположными.

— Ну и почему бы вам просто не спросить у них напрямую? — подал голос Чэнь Цин. Он сидел на диване и лениво листал журнал. Его тонкие, бледные пальцы прижали страницу. — Это же проще простого.

— Потому что там такая атмосфера... комар носа не подточит, — покачал головой рассудительный басист.

Да и спорить с Чарльзом, доказывая обратное, ему не хотелось.

— Да ладно тебе, всё же шито белыми нитками! — воскликнул Чарльз. — Мы ведь тоже дружим, но никому из нас и в голову не придет вести себя так, будто мы... ну, «дружим».

— Вообще-то, в некоторых диалектах «дружить» как раз и означает встречаться, — флегматично заметил Ли Гу.

Прежде чем Чарльз успел вставить слово, Чэнь Цин решительно закрыл журнал и поднялся. Разговоры подобного толка явно утомляли его.

— Вспомнил, что нам прислали демо-версию новой записи, а я её ещё не прослушал. Я пойду.

Он ушел быстро и изящно. Ли Гу дернулся было за ним, но зацепился коленкой за острый угол дивана и едва не растянулся на полу:

— Эй, постой!..

Чарльз прыснул со смеху. Схватив суровый взгляд басиста, он поспешно кашлянул, пытаясь сгладить неловкость:

— А-Цин до сих пор не может забыть ту историю, да?

Чарльз ляпнул это не подумав, но Ли Гу при этих словах нахмурился.

История действительно была скверной. Их первый гитарист, Лу Янь, не скрывал своей гомосексуальности — в этом самом по себе не было криминала, но парень обожал шутить на грани фола. Несколько раз его дурацкие намеки доводили Чэнь Цина до белого каления. И хотя позже Лу Янь покинул группу ONE из-за болезни и личных неурядиц, у клавишника остался стойкий неприятный осадок ко всем геям без разбора. Проще говоря, он стал слегка латентным гомофобом.

— Он не злой человек и не фанатик, я-то знаю, — вздохнул Ли Гу. — Ладно, давай лучше подумаем, что делать с нашими голубками.

По-хорошему, как друзья, они должны были прояснить, к какому берегу прибьет эту лодку.

Но пока Чарльз пытался разгадать чужие секреты, процесс подготовки дебютной кассеты подошел к концу. Они подписали контракт с небольшим, но авторитетным лейблом. Эта компания предпочитала работать с самобытными инди-коллективами, делала ставку на ценителей оригинального звучания и имела выходы на радиостанции.

Их музыка пришлась издателям по вкусу. Представитель лейбла — безукоризненно одетый мужчина средних лет с характерным столичным выговором и отличным чувством юмора —

признался, что их треки стали для него настоящим глотком свежего воздуха.

— Если бы вы добавили немного поп-звучания, коммерческий успех был бы гарантирован, — на прощание заметил он.

Мужчине перевалило за сорок, и этот совет он давал от чистого сердца, опираясь на многолетний опыт. После заката золотой эпохи девяностых китайский рок переживал не лучшие времена — публика пресытилась бунтом, рынок диктовал новые правила. Тем не менее издатель искренне симпатизировал молодой банде и пообещал, что, когда альбом выйдет, он обязательно раздаст копии своим друзьям-меломанам.

Чэн Цзие с благодарной улыбкой принял совет. Тут представитель лейбла перевел взгляд на Юй Сингэ и с вежливым любопытством спросил, не из Столицы ли тот родом. Его выдавал выговор.

Юй Сингэ кивнул, и собеседник тут же развил тему, задав еще пару вопросов о столичной жизни. Кудрявый гитарист, отличавшийся легким и уживчивым нравом, поддержал беседу с безупречной вежливостью.

А вот Чэн Цзие, наблюдавший за ними со стороны, вдруг поймал себя на мысли, что почти ничего не знает о прошлом Юй Сингэ. Тот практически никогда о себе не рассказывал. Обычно у двадцатилетних парней за плечами нет груза тяжелых воспоминаний. Юй Сингэ казался именно таким — легким, стремительным, летящим по жизни без оглядки на чужие правила. Порой эта беззаботность казалась почти нереальной.

Почувствовав на себе пристальный взгляд вокалиста, Юй Сингэ обернулся и заговорщически подмигнул своими темно-каштановыми глазами.

Простые вопросы столичного гостя всколыхнули в его душе воспоминания, к которым он давно не возвращался. До того как очнуться в этом мире, он прожил точно такую же жизнь — те же семейные неурядицы, те же взлеты и падения. Наверное, именно это невероятное сходство и затащило его под обложку романа. Зато здесь он встретил Чэн Цзие.

Юй Сингэ тепло улыбнулся, и в этой улыбке было столько искреннего света, что поблекло даже яркое полуденное солнце.

Вечером они собрались отпраздновать завершение работы. Музыка гремела, пиво лилось рекой, и даже глухая южная ночь не могла заглушить этот безумный ор. Ду Цяо притащила ящик крепкого алкоголя и грозилась напоить всех до беспамятства, но сама сошла с дистанции первой.

Чарльз весь вечер безуспешно пытался спить Юй Сингэ, надеясь выудить из него хоть какую-то тайну.

Чэн Цзие, осушив пару бокалов, оставил выпивку. Он молча наблюдал за Юй Сингэ, на которого падал мягкий свет ламп. Гитарист выглядел абсолютно счастливым и безмятежным, словно его вообще ничего не заботило. Поймав взгляд Чэн Цзие, парень решил, что тот хочет пить, и заботливо протянул ему стакан с чистой водой. Вокалист качнул головой, отказываясь.

Тогда Юй Сингэ шутливо пожал плечами, залпом осушил стакан и, перевернув его кверху дном, задорно подмигнул.

На самом деле Чэн Цзие просто одолевала мысли, которые никак не получалось заглушить. В караоке-боксе вовсю бесновался Чарльз. Изрядно захмелев, он растерял остатки наблюдательности и начисто позабыл о тонких психологических играх. Действовать напролом — вот его метод! С пивом в руках он шел на штурм.

Но с Чэн Цзие этот фокус не проходил. Темноволосый вокалист лишь пригубил свой напиток и больше к нему не притрагивался.

Говорят, настоящие чувства должны зреть медленно, но эта неторопливость порой порождала опасную иллюзию: казалось, их отношения так и застынут на мертвой точке, не сделав последнего шага. Но каждый раз, сталкиваясь взглядом с Юй Сингэ, Чэн Цзие видел в его глазах такую непереносимую, концентрированную нежность, что у него перехватывало дыхание. Иногда ему казалось, что он принимает желаемое за действительное. А иногда — что его интуиция его не обманывает.

Эти качели из надежды и сомнений изматывали. В конце концов Чэн Цзие понял, что ему жизненно необходим глоток свежего воздуха, иначе он сойдет с ума прямо здесь. Он резко поднялся и направился к выходу на балкон.

Юй Сингэ, глубоко увязший в мягких подушках дивана, лениво моргнул. Хмель приятно туманил голову, но, взглянув на удаляющуюся спину Чэн Цзие — застывшую, прямую, точно натянутая тетива на фоне иссиня-черного неба, — он мгновенно подобрался. Его обострившиеся чувства уловили перемену в настроении друга.

Чарльз, заметив, что гитарист отвлекся, тут же подскочил с новой порцией спиртного, твердо намереваясь довести допрос до конца.

Тем временем клавишник, почти не пивший весь вечер, бесшумно поднялся и тоже скользнул на балкон.

Ночной воздух обдал лицо прохладой, выветривая хмель. Чэн Цзие оперся о перила, рассеянно барабанил пальцами по металлу. Рядом легла густая тень. Повернув голову, он увидел Чэнь Цина.

Клавишник собрал свои отросшие волосы в небрежный хвост. На его бледном лице блуждала мягкая улыбка, но пальцы, сжимавшие стакан, побелели от напряжения. Он явно не решался

начать разговор.

Чэн Цзие понимал, что в последнее время они с Юй Сингэ вели себя слишком странно. Глупо было надеяться, что этого никто не заметит.

— Что у вас происходит с Юй Сингэ? — озвучил общий вопрос Чэнь Цин.

Ожидаемо.

— Ничего особенного, — ровно ответил Чэн Цзие.

Клавишник, за которым в тусовке прочно закрепилась слава гомофоба, долго молчал. Он всегда казался добродушным, а его бледное, мягкое лицо светилось улыбкой, на которую невозможно было злиться. Тихим, вкрадчивым голосом он наконец произнес:

— Вообще-то... в этом нет ничего страшного. — Он сделал паузу, вглядываясь в темноту, и добавил: — А вдруг его чувства к тебе взаимны?

Чэн Цзие замер. Это был уже второй человек, который говорил ему нечто подобное.

«Неужели всё настолько очевидно?» — промелькнуло в голове.

Он не знал, чему удивляться больше: тому ли, что его тщательно скрываемые чувства оказались столь прозрачны для окружающих, или тому, что эти слова сочувствия исходили именно от Чэнь Цина.

С балкона открывался вид на смутные очертания задней горы Цичэна. В ночной темноте ее хребет казался угольным наброском, таинственным и величественным. Чэн Цзие молчал, не находя слов для ответа. Чэнь Цин не любил лезть в чужую душу. Заметив замешательство друга, он мягко свернул тему и заговорил о пустяках.

Он мог честно признаться самому себе, что испытывает безгливость к однополым отношениям в теории, но эти двое были его товарищами по группе. Его друзьями. К тому же он никогда не замечал за ними ничего подобного. С Юй Сингэ он ладил отлично, а Чэн Цзие знал еще дольше и уж точно никогда не заподозрил бы его в симпатии к мужчинам.

Собравшись уходить, Чэнь Цин повернулся и нос к носу столкнулся с их гитаристом, бесшумно выросшим в дверях балкона. Сердце клавишника на миг пропустило удар.

«Услышал или нет?» — панически подумал он.

Однако Юй Сингэ лишь беззаботно улыбнулся, прислонившись к дверному косяку. От него ощутимо пахло пивом, но взгляд глубоких глаз оставался кристально чистым и пугающе трезвым.

«Да они оба сумасшедшие», — окончательно утвердился в своей мысли клавишник. Он вежливо кивнул гитаристу и, проходя мимо, невольно сжал кулаки.

Понимают ли они вообще, на какую тропу ступают? В этой стране подобный выбор обрекал на вечное изгнание и шепот за спиной. Сама мысль о «такой» любви казалась Чэнь Цину источником бесконечных проблем.

Юй Сингэ, отвязавшись наконец от назойливого Чарльза, действительно выпил лишнего. Он не был пьян в стельку, но и абсолютной трезвостью, которую заподозрил клавишник, там не пахло. Проводив Чэнь Цина взглядом, он подошел к Чэн Цзие и встал рядом, почти касаясь его плечом.

Ночь укрыла город плотным темным покрывалом. Молчание, повисшее между ними, теперь казалось не гнетущим, а удивительно уютным и глубоким.

— Всё, отгулял? — негромко спросил Чэн Цзие.

Юй Сингэ картинно задумался и выдал:

— Решено. С сегодняшнего дня завязываю с выпивкой.

Алкоголь определенно мешал соображать, и прямо сейчас это туманное облако в голове лишало его привычного контроля над ситуацией.

Чэн Цзие тихо рассмеялся. В неверном полумраке его резкий профиль, смягченный упавшей на лоб темной челкой, казался удивительно нежным.

Надо же: один бросил курить, второй завязал с алкоголем. По очереди избавились от вредных привычек. Словно две детальки одного пазла.

... И если бы они могли так же легко отречься от всего остального мира, это было бы идеальным финалом.

<http://bllate.org/book/18241/1765504>